

МАРИЯ МАСАГУТОВА

**«Цена вопроса — жизнь вечная»:
конструирование моральной личности
и механизмы компромисса в общине
трезвенников Братца Иоанна Чурикова**

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2024-42-1-313-337>

Maria Masagutova

“The Price of the Issue Is Life Eternal.” Building Moral Persona and Negotiating Compromises in a Community of Teetotalers (Trezvenniki) of the Brother Ioann Churikov

Maria Masagutova — HSE University; European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia). mmasagutova@eu.spb.ru

In this paper I address the process of moral building in the community of the Spiritual Christians-teetotalers (Trezvenniki) of Brother Ioann Churikov, also known as the Churikovites. The paper is based on my fieldwork in 2019–2023 through participant observation, interviewing and online ethnography. The process of moral building begins at the moment of conversion and proceeds throughout the life of the adept. The theology of Sobriety includes, on one hand, a strict adherence to a set of rules and, on the other, it is seen as a teaching that brings spiritual and material benefits. I also discuss two levels of regulations the teetotalers are expected to observe. These levels differ in strictness, due to the mechanisms of compromise allowing the Churikovites to advance in their faith gradually and consciously. The main focus of the article is the mechanisms and affordances that enable the teetotalers to return to the community even when the vows of the Sobriety are broken.

Keywords: anthropology of religion, anthropology of morality, Churikovites, trezvenniki, moral self.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00508, <https://rscf.ru/project/21-18-00508/>

Введение

ОДНАЖДЫ во время воскресной беседы, посвященной притче о талантах, сидевшая рядом со мной информантка громким шепотом прокомментировала: «Поняла? Господь дает талант. Трезвость получили — остальное все потихоньку прикладывается»¹, — и немного позже добавила, что, конечно же, прикладывается не просто так, надо трудиться. Я спросила, что именно подразумевается под этим словом, и в духе только что услышанной проповеди предположила, что речь идет о молитве и духовном чтении. Информантка подтвердила мою догадку и добавила: «Ну и приводить других. Молиться, поститься, конечно. Но вот у нас как — сам принял...», — она прервалась, на секунду задумалась и указала на сидящую впереди пару: «Вот парень принял Трезвость — и девушку привел. Так что еще рассказывать, да»².

Прозелитические усилия моих информантов укладываются в рамку идеи труда во имя Братца. Учитывая, что *Трезвость*³ для них — величайшее сокровище, они готовы щедро разделить его с окружающими. Интересно, что последователи Братца не проводят активной евангелизационной работы, и вовлечение новых последователей осуществляется преимущественно в кругу повседневного общения самих трезвенников — в первую очередь это члены семьи и друзья, соседи и коллеги. Но, помимо евангелизации, процесс труда подразумевает и постоянную внутреннюю работу по построению особой моральной личности (*moral self*).

В настоящей статье речь пойдет о том, как происходит моральное становление новообращенного трезвенника, как они конструируют новую моральную личность, стараясь не потерять и, напротив, преумножить те блага, которые, как они верят, дает им Братец. *Трезвость* как вернакулярное теологическое понятие подразумевает, с одной стороны, строгое следование ряду правил, а с другой, воспринимается моими информантами как учение, несущее исцеление и другие духовные и материальные блага, а отступление от этих правил означает нарушение договора с Богом и, соответственно, прекращение доступа к этим благам. Тем не ме-

1. ПМА 2020.

2. Там же.

3. Эмный термин, обозначающий теологическую концепцию; здесь и далее будет выделен курсивом.

нее, некоторые из установленных правил оказываются более гибкими, чем другие, что создает пространство не только дисциплины, но и компромиссов.

Интерес к «антропологии морали» как научной области был переосмыслен в последние десятилетия. В частности, объектом исследования выступают религиозные контексты как «проекты, в рамках которых люди работают над собой и культивируют этические качества»⁴. Важным аспектом современной антропологии морали стало внимание к правилам — «осознание, что, когда признается особая роль правил как режима организации этической жизни, само по себе тщательное внимание к правилам, тому, когда и где они имеют место, становится интересным»⁵. Исследуя законы шариата, Морган Кларк указывает, что следование правилам — «необходимая технология формирования моральной личности, а также социальной координации, но со своими характерными возможностями, сложностями и ограничениями»⁶. В частности, Кларк подчеркивает, сколь важно в исследовании религиозных правил не заикливаться на теоретическом уровне установлений и выделяет два аспекта — «этнографический» и «теоретический». Этнографический аспект связан с тем, что не все верующие «живут столь последовательной и внимательной религиозной жизнью»⁷, теоретический же связан со спецификой правил как «слишком плоской и ограничивающей этической формы»⁸, что снижает их (правил) способность «доминировать в нашем моральном воображении»⁹.

В своей статье я фокусируюсь на двух уровнях теоретически принятых в сообществе правил и на специфике практического следования этим правилам, а также на вопросе обсуждения и гибкости границ между запретным и дозволенным. В этом контексте я сосредоточусь на парадоксе в осмыслении членами общины воз-

4. Laidlaw, J. (2023). "Ethics / morality", *The Open Encyclopedia of Anthropology* [<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/ethics-morality>, доступ от 18.11.2023].

5. Ibid.

6. Clarke, M. (2023). "Sharia", *The Open Encyclopedia of Anthropology* [<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/sharia>, доступ от 18.11.2023]. См. также: Clarke, M. (2015) "Legalism and the care of the self: Shari'ah discourse in contemporary Lebanon", in Paul Dresch and Judith Scheele (eds) *Legalism: Rules and Categories*, pp. 231–257. Oxford: Oxford University Press.

7. Ibid.

8. Ibid.

9. Ibid.

мозного отпадения от учения Чурикова и тех опасностей, которые несут подобные ситуации; казалось бы, негативная и неприемлемая ситуация отступления не вызывает в сообществе осуждения, и возвращение в общину после покаяния не кажется для трезвенников недопустимым. Чтобы объяснить этот парадокс, я хотела бы обратиться к работе Майи Мэйблин, в которой исследовательница на примере своих информантов-католиков рассуждает о возможностях, или допущениях, делающих возможными «отсрочку» или «делегирующее» благочестия и позволяющих людям принимать более пассивную роль в религиозных практиках и «оставаться на расстоянии от ключевых положений христианства»¹⁰. Я хотела бы назвать эту ситуацию «институциональным допущением» — допущением, лежащим в основе функционирования религиозного сообщества как некий механизм компромисса, делающий неодолимое или запретное возможным.

Мои информанты являются членами общины духовных христиан-трезвенников Братца Иоанна Чурикова. В поселке Вырица Ленинградской области находится их главный молитвенный дом («Дом Братца»), куда последователи Чурикова съезжаются на воскресные и праздничные молитвенные собрания, называемые беседами. Материалы для статьи были собраны в ходе работы с общиной трезвенников с 2019 по 2023 годы путем включенного наблюдения, онлайн-этнографии и интервьюирования информантов.

Для трезвенников очень важна личность Иоанна Чурикова, которого они называют Братцем. Он был самарским крестьянином, мигрировавшим в Петербург, где в 1894 году начал свою проповедь *Трезвости*. Для моих информантов Братец является новым воплощением Христа, и его приход обусловлен необходимостью обновления духовного закона — трезвенники убеждены, что проповедь Чурикова обновила евангельский закон так же, как пришествие Христа обновило закон Моисея. Хотя Чуриков стремился избежать конфликта с православным духовенством, со временем его отношения с официальной Церковью становились все более напряженными, и после его отлучения в 1914 году трезвенники оказались вытеснены за пределы официального православия¹¹.

10. Mayblin, M. (2017) "The lapsed and the laity: Discipline and lenience in the study of religion", *Journal of the Royal Anthropological Institute* 23(3): 509.

11. Об истории взаимодействия трезвенников с духовными и светскими властями см. например: Herrlinger, P. (2013) "Trials of the Unorthodox Orthodox: The Followers of Brother Ioann Churikov and their Critics in Modern Russia, 1894–1914", *Russian*

В начале советского периода, напротив, все складывалось для трезвенников вполне удачно. Изначально положение «сектантов» позволяло им успешно сосуществовать с новой властью и даже основать свою сельскохозяйственную коммуны. Со временем, по мере ужесточения государственной политики в отношении религиозных организаций, ситуация осложнялась, и к 1930-м годам и сам Чуриков, и существенная часть его последователей, как и члены многих похожих сообществ¹², были затянuty в водоворот репрессий, коммуна была распущена, а община вынуждена была уйти в подполье.

Конец советской эпохи позволил движению выйти из подполья, официально зарегистрироваться в качестве религиозной организации и вернуть себе Вырицкий молитвенный дом, где они собираются по сей день, хотя период гонений прочно запечатлелся в их проповедях, повседневных нарративах и отдельных священных текстах («Богу все открыто»¹³). В целом роль священных текстов для этого сообщества чрезвычайно велика, и в условиях отсутствия харизматического лидерства на данном этапе существования сообщества, регулярное чтение и воспроизведение проповедей и писем Чурикова и некоторых других ключевых текстов становится для моих информантов одним из главных способов коммуникации с Братцем. На этих текстах строятся их молитвенные собрания, в текстах последователи Братца находят ответы на беспокоящие их вопросы, а также примеры, которым нужно следовать, и предупреждения об опасностях, подстерегающих трезвенника на жизненном пути.

Я исследую формирование и поддержание правил в сообществе, сложившемся вокруг харизматического лидера, которого давно нет в живых. После ареста и смерти Иоанна Чурикова члены движения продолжили жить по его заветам, и эти правила, с одной стороны, продолжили воспроизводиться, с другой же — стали меняться вместе с окружающим трезвенников миром. Условиями выживания сообщества на протяжении столь продол-

History 40(2): 244-263; Herrlinger, P. (2020) “Satan in the Form of an Angel? the Russian Orthodox Church’s Controversial Case Against the Moscow Brattsy, 1909 to 1913”, *Religion, State & Society* 48(2-3): 196-212.

12. См. например: Кузнецов И. Особенности моделей взаимодействия старообрядцев бегунского (страннического) толка и советских органов власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С.104.

13. Богу всё открыто: свидетельства трезвенников о деяниях Братца Иоанна [<http://www.trezvost.com/Witnesses.htm>, доступ от 15.01.2023].

жительного времени становится, с одной стороны, поддержание традиции, с другой же — гибкость, и именно на этих факторах я фокусируюсь в настоящей статье.

Основная для учения Чурикова концепция *Трезвости* является сложной категорией, которая не ограничивается лишь отказом от употребления горячительных напитков, но подразумевает радикальное изменение жизни, отказ от прежних грехов, принятие Братца как Бога и следование его слову. Каждую неделю в конце беседы в Доме Братца члены братского совета, стоя у кафедры перед образом Чурикова, под всеобщее пение молитвенного стиха сжигают в специально предназначенной чаше кусочки бумаги. Это — «записочки» с формульным текстом, символизирующим союз трезвенника с Богом. В этом тексте сформулировано несколько ключевых обетов: «не пить вина и ничего спиртного, не употреблять ничего одурманивающего, не курить табака, не блудить, не сквернословить»¹⁴, в ней же обратившиеся просят Братца послать им «мир в семью и успех в работе»¹⁵. Записки переписываются от руки людьми, принимающими в этот день Трезвое учение. После сожжения записок и окончания беседы новообратившиеся подходят к кафедре, где представители совета дают им распечатку с молитвой Братцу и «приговором разума пьянству», кусочки сахара (по примеру Чурикова — чтобы жизнь без пьянства была сладкой), пузырек масла и монетку (как символ достатка). Так начинается путь трезвенника.

«Разум посвятить Богу»¹⁶: построение новой моральной личности

Начало жизни в *Трезвости* мои информанты описывают как время радикальных изменений к лучшему — отступают зависимости, улучшается здоровье, налаживается семейная жизнь. Они не стремятся к бытовому аскетизму и, напротив, не стесняются демонстрировать посланные им Братцем блага. Важным элементом их учения становится идея благополучия, обретаемого после обращения.

14. Сайт общества трезвенников

[святаятрезвость.рф/как-отрезвиться.html, доступ от 10.02.2023].

15. Там же.

16. ПМА 2020.

Хотя принятие *Трезвости* накладывает на жизнь чуриковцев серьезные ограничения, они считают, что это — небольшая цена за те дары, которые они получают в ответ. Мои информанты говорят, что «*Трезвость* — совокупность правил, мероприятий, которые делают человека счастливым и богатым»¹⁷, «Братец Дорогой управляет все, что только ни попрошу!»¹⁸. Представления трезвенников о благополучии сходны с представлениями евангеликов, с которыми работал Джеймс Биело. В качестве иллюстрации исследователь цитирует своего информанта, «заново рожденного» бизнес-коуча Рика, говорившего о «влиятельном партнере»¹⁹ по бизнесу в лице Бога. Хотя для моих информантов Бог не является «партнером по бизнесу», они регулярно говорят о Его влиянии и участии в их мирских делах. Они указывают, что улучшением своей жизни — и в том числе финансового благосостояния — они обязаны Братцу. Подобная специфика восприятия степени включенности сверхъестественного актора в жизнь верующих обусловлена тем типом общины, теологии и духовной личности, которые приняты в сообществе. Трезвенники одновременно напоминают православных и протестантов, но не являются в полной мере ни теми, ни другими.

Информант А., описывая, как Братец изменил его жизнь, рассказывал, что прежде «сидел на тяжелых наркотиках, когда надоело — переходил на алкоголь, такая карусель»²⁰. Вскоре после обращения он понял, что его больше не тянет к прежнему образу жизни: «день сижу, два — никуда меня бес не гонит»²¹. Тогда же, по его рассказу, стали проявляться и другие чудеса. Он рассказывал, как молился и писал еженедельные («понедельничные»²²) записки, чтобы получить желаемое, и кульминацией его рассказа стала фраза:

17. Там же.

18. Там же.

19. Bielo, J. (2007) “‘The Mind of Christ’: Financial Success, Born-again Personhood, and the Anthropology of Christianity”, *Ethnos* 72(3): 316.

20. ПМА 2023.

21. Там же.

22. Не путать с записками при обращении: «понедельничные» записки (обычно) пишут те, кто уже находится в сообществе, в них по установленной формуле выражается благодарность Братцу, просьба о прощении за грехи и благословении на новую неделю, а также в свободной форме выражаются личные просьбы к Чурикову.

ну, думаю, работа есть, машина есть — жену надо, и вот пишу-пишу, и через три года мне Господь посылает!²³.

История, рассказанная А., типична для сообщества — в ней рассказывается о прежней греховной и несчастной жизни, рассказывается о духовной трансформации и о благах, посланных ему Чуриковым.

Хотя у трезвенников не принята десятина или какие-либо иные варианты финансовых вложений в сообщество, они считают, что могут отплатить Братцу соблюдением его заветов, что отличает их от евангеликов. Чуриковцы проводят прямую связь между отказом от прежних грехов и улучшением жизни: «Для чего все оставлено — алкоголь, сигареты? Для того, чтобы мы жили хорошо!»²⁴, «Верующему человеку определенные рамки — это свобода»²⁵.

Говоря о своих добровольных ограничениях, они заявляют: «мы обрезаем себя во многих местах, но за это Братец нам все дает»²⁶. Обретаемое благополучие вполне материально и, как и у евангеликов, ожидает верующего уже здесь и сейчас: «Мир в семье, на работе все будет хорошо и люди будут спрашивать, почему — а это нам дорогой Братец посылает»²⁷.

Как и для неопятидесятнических «заново рожденных»²⁸, для чуриковцев момент обращения становится моментом отпущения прежних грехов и начала новой жизни. Но этот же момент начинает «длительный, болезненный и мучительный процесс личной трансформации, рождения свыше. В результате этих трудных родов появляется “новое творение”, *sacred self*, или харизматическая (сакральная) личность»²⁹. Иногда последователи Братца описывают обращение именно как «духовное рождение» (и день обращения они называют днем духовного рождения), но чаще — как «воскресение». Этим более распространенным в сообществе термином трезвенники показывают, что прежде они были ду-

23. ПМА 2023.

24. ПМА 2020.

25. Там же.

26. Там же.

27. Там же.

28. Кормина Ж. «Гигиена сердца»: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 308.

29. Там же. С. 309.

ховно мертвы, и только с этого момента началась их настоящая жизнь. Как объяснял мне информант Г., написание записки — уже обещание спасения, «только нужно быть трезвенником». Но что это значит и как духовно мертвый раньше человек учится быть трезвенником?

Как и евангелики, они обретают новый габитус, включающий и диетарные, и моральные ограничения, усваивают новую рациональность и «особый религиозный язык»³⁰, а также, как говорят мои информанты, они «исполняют волю Божию, проникаясь Словом Братца»³¹ — слушая, читая и запоминая тексты обиходного корпуса общины.

Взращивание новой личности предполагает перенастройку системы моральных координат. Принимая обет *Трезвости*, мои информанты встают на путь духовного совершенствования и, в идеальной ситуации, всю свою дальнейшую жизнь посвящают выстраиванию личных отношений с Братцем, посылающим им, как они верят, бесконечные блага. При этом мои информанты иронично отмечают, что их духовная работа не может ограничиваться лишь отказом от алкоголя: «Может, и собака тоже не пьет, но принять *Трезвость* — значит, разум посвятить Богу»³².

У трезвенников разделяются этап формального обращения и этап духовной работы, что можно также сравнить с выделенной Жанной Корминой идеей «малого» и «полного» обращения у харизматов. Тем не менее, есть и существенное различие: трезвенники считают спасенным только того, кто «хранит Трезвость» как обет и продолжает работу над собой; вариант, предполагающий возможность «покаяться и жить в миру»³³ и при этом быть спасенным, для них не предусмотрен.

Последователи Братца считают, что при обращении человек получает «пропуск в Царство Божие»³⁴, но для спасения «дальше нужно трудиться»³⁵. Те же, кто «написали записку и убежа-

30. Там же.

31. ПМА 2023.

32. Там же.

33. Кормина Ж. «Гигиена сердца»: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан. С. 311.

34. Там же.

35. Там же.

ли»³⁶, становятся трезвенниками лишь формально. Как объяснял мне информант:

Все трезвенники, Бог принял, кто записку написал, но вот какой ты трезвенник — это уже каждый перед Богом будет отвечать³⁷.

Этот информант, сам некогда оказавшись в Доме Братца, написал записку, но это обращение носило формальный характер — «просто имя подписал»³⁸, и он продолжил прежнюю жизнь. Несколько лет спустя он решил написать записку повторно, уже осознанно решив встать на путь учения Братца.

Рекомендованные ограничения и механизмы компромисса

Майя Мэйблин в своем исследовании непрактикующих католиков призывает не ограничиваться исследованием вопросов дисциплины и обратить внимание на механизмы компромисса, которые могут оказаться не менее значимым фактором для понимания функционирования религиозных сообществ. В контексте движения трезвенников можно рассуждать о дисциплине и компромиссе не как о несовместимых вещах, а как о разных элементах одного процесса. Так, есть упомянутые в записке обеты — действия, от которых трезвенник должен отказаться сразу, в момент обращения (употребление алкоголя, курение, блуд, сквернословие), но есть и другие культурные практики, попадающие в категорию не одобряемого — пусть и не столь жестко и менее формально. Совершение таких поступков не будет считаться нарушением *Трезвости*, но, по мере духовного совершенствования, трезвеннику стоит отказаться и от них.

К этой категории относятся, казалось бы, безобидные вещи, такие как театр, компьютер и интернет, светская музыка и танцы. Мне доводилось слышать и критику светской литературы как чтения, недостойного трезвенника: «Что мы до Трезвости читали? Сказки, романы. О чем мы мечтали? Вот как к мужу Ассоль приплыла...»³⁹. Эта фраза была встречена одобрительными ре-

36. ПМА 2021.

37. Там же.

38. Там же.

39. ПМА 2020.

пликами слушателей, а сидевшая рядом информантка шепотом призналась мне, что она тоже когда-то о таком мечтала. Объясняется это ими просто: «какую книгу откроешь — с тем и беседуешь. Так какую книгу нам нужно читать? Правильно, беседы Дорогого Братца»⁴⁰.

Внешний мир, вторгающийся в духовную жизнь верующих людей, нередко становится проблемой для моих информантов. С одной стороны, они чувствуют себя ответственными за публичный образ сообщества, с другой — беспокоятся о мирских соблазнах, способных помешать духовному росту трезвенника или, что еще опаснее — привести к *отпадению*. На похожие переживания своих каирских информанток-мусульманок указывает Саба Махмуд, описывая, что даже в правиле пятикратной молитвы на протяжении дня «с минимальными условиями выполнения»⁴¹ эти женщины видели средство для духовного воспитания, и многие из них сетовали на недостаток усердия или воли для соблюдения правил. В этой ситуации они «часто возлагали ответственность за подавление этого стремления на общую социальную и культурную среду, в которой они жили, утверждая, что она способствует развитию желаний и склонностей, несовместимых с требованиями благочестия»⁴² и стремились «...научить друг друга способам культивации и поддержания желания молиться во время выполнения тех рутинных, мирских дел, которые занимали женщин большую часть дня»⁴³.

Учение Братца привлекает разных людей: как тех, кто ранее страдал от разного рода зависимостей (алкоголь, наркотические вещества, курение, игромания, неразборчивость в связях), так и тех, кто лично не сталкивался с такой проблемой и присоединился к сообществу, потому что учение оказалось им близким. Тем не менее, все мои информанты, пришедшие в *Трезвость* уже в сознательном возрасте, оказались в ситуации радикального разрыва с прежним образом жизни. И этот разрыв становится еще заметнее, поскольку трезвенники не отказываются от контактов с полным соблазнов окружающим миром, а продолжают жить

40. Там же.

41. Mahmood, S. (2011) *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*, p. 123. Princeton: Princeton University Press.

42. Ibid.

43. Ibid.

в своих квартирах, ходить на работу и преимущественно оказываются окружены людьми, далекими от учения Братца.

В связи с этим последователи Чурикова чувствуют особую ответственность за свой образ жизни и свой облик в глазах других людей. Моя информантка Я., женщина около 40 лет, пришедшая в *Трезвость* приблизительно 20 лет назад, рассказывала о том, как трудно жить трезвеннику на виду у других людей:

...я столкнулась на предпоследней работе с этим — когда пришла, там все пошли курить, «пойдем курить», говорят, я говорю — «я не курю», они — раз так... потом они собираются пить, они говорят «давай», я — «я не пью». И когда ты говоришь, что ты не куришь, не пьешь, мяса ты не ешь, матом ты не ругаешься, ну как бы на тебя начинают косо смотреть, люди этого не понимают. Раньше я все это болезненно воспринимала, сейчас мне все равно, что обо мне подумают⁴⁴.

Она объясняет свой подход тем, что «Бог живет в каждом из нас»⁴⁵, то есть трезвенник должен стремиться соответствовать божественному образу, по которому создан человек, и не уступать соблазнам. С другой стороны, по одному трезвеннику и его образу жизни у внешних по отношению к сообществу людей формируется представление о сообществе в целом:

Вот почему, когда ты приходишь в Трезвость, тебе не раз говорят: будьте аккуратны, за вами следят — как ты себя преподносишь, что ты ешь, что ты пьешь, что ты говоришь⁴⁶.

Ситуация информантки М. — менее распространенная в сообществе, но не менее интересная и показательная. М., молодая девушка, выросшая в семье трезвенников, никогда не пробовала ни мяса, ни алкоголя, и ей не нужно было привыкать к тем правилам, которые усваивают новообратившиеся последователи Братца. Для нее вызовом стала не адаптация к жизни трезвенника, а адаптация к окружающему миру, количество контактов с которым возрастало по мере ее взросления. Так, М. рассказывала, что ей приходится находить непростые компромиссы в от-

44. ПМА 2020.

45. Там же.

46. Там же.

ношениях со своими университетскими подругами. Некоторое время, несмотря на близкую дружбу, она не говорила им о своей трезвеннической семье. Хотя на ее рассказ о принадлежности к общине они отреагировали спокойно, М. приходится постоянно думать о приемлемых способах взаимодействия и совместного времяпрепровождения. Она описывала, как они вместе посетили парк аттракционов, и, хотя, по ее собственному замечанию, «аттракционы — это не очень хорошо»⁴⁷ и подобное развлечение не встретило бы одобрения в сообществе, она считает, что такое решение «лучше, чем сидеть где-то с алкоголем»⁴⁸. Она рассуждала о том, что «невозможно полностью изолироваться от мира»⁴⁹, и потому в повседневной жизни трезвенникам приходится искать варианты, позволяющие им и не отпасть от учения Братца, и продолжить жить и работать в окружении людей, не разделяющих их взгляды:

...некоторые трезвенники считают, что интернет, телефон, *Instagram*⁵⁰ — это плохо, потому что отвлекает, но жить в мире без этого невозможно, ведь по учебе, по работе — все ВКонтакте, и как без этого?⁵¹

По всей видимости, негативное отношение к этим вещам обусловлено тем, что через них проявляется приверженность к телесному и земному, человек отвлекается от духовной жизни и таким образом тратит впустую время, которое можно было бы использовать, с точки зрения моих информантов, с большей пользой. Они говорят, что «до *Трезвости* тело наше властвовало над нашей душой»⁵², но теперь все изменилось. Как мне объясняли, сами по себе танцы или слушание музыки не являются грехами, это не нарушение *Трезвости*, но Братец предупреждал, что у танцующих будут болеть ноги, а в музыке люди не найдут себе утешения. При этом творчество, по мнению информантов, несет на себе отпечаток личности автора — а поскольку образ жизни многих творцов не устраивает трезвенников — «ну Чайковский, напри-

47. ПМА 2021.

48. Там же.

49. Там же.

50. Запрещенная на территории РФ социальная сеть; интервью было взято в 2021 году.

51. ПМА 2021.

52. ПМА 2020.

мер, знаешь, какого пола был»⁵³, то пользы от их произведений душе не будет.

Мне доводилось слышать истории о том, как последователи Братца, после достаточно продолжительного опыта *Трезвой* жизни все еще не сумевшие отказаться от светской музыки, однажды «услышали в наушниках звуки ада»⁵⁴, что стало для них откровением и отвратило от такого малополезного занятия. Трезвенники считают, что надо молиться Братцу, чтобы он послал сил отказаться от подобных «недушеспасительных» привычек. Вместо светской музыки они предпочитают слушать и петь духовные стихи сообщества или же песнопения. Так, например, информантка М., с которой мы работали в паре во время осенней общей уборки в Доме Братца, работая, напевала духовные стихи. Она же рассказывала, что ее родители часто включали дома записи этих стихов, благодаря чему М. запомнила их слова и музыку еще в детстве — так для детей из трезвеннических семей подобная практика выступает также и средством ранней духовной социализации.

Здесь уместно также вспомнить исторический эпизод о сожжении чуриковцами в 1915 году граммофонов⁵⁵, что свидетельствует о том, что стремление отказаться от светской музыки было характерно для сообщества уже на ранних этапах его существования, и основа их современного отношения к недуховной музыке была заложена еще тогда.

Интересна специфика запрета на употребление в пищу мяса: этот запрет также не отражен в записке и исторически сформировался только в 1910 году, когда трезвенники по предложению Братца заключили «мир с животными». С тех пор ежегодно 3 января в сообществе вспоминают это событие. Хотя этот запрет не входит в изначальный обет, он носит характер строгой рекомендации — в отличие от упомянутых выше развлечений, от которых трезвеннику желательно — но не обязательно — отказаться.

Тем не менее, этот запрет более гибок, чем обеты, перечисленные в записке, и здесь, как и в случае более неформальных ограничений, возможен не одномоментный, а постепенный отказ. При этом несоблюдение этих ограничений может — и должно — повлечь негативные последствия: «Хочешь в кино? В ре-

53. ПМА 2021.

54. Там же.

55. ПМА 2022.

сторон? Только потом не спрашивай, почему душа болит, почему дети заболели»⁵⁶.

В контексте отношений обмена с Богом возможное наказание за подобные мелкие проступки осмысливается моими информантами как логичное, но достаточно мягкое предупреждение. От трезвенника, лишь вставшего на путь постижения учения Братца, не требуется сразу оборвать все связи с прежними привычками, но ожидается их переосмысление и строгое соблюдение немногочисленных указанных в записке обетов. В чем-то же допускаются компромиссы. Даже в ситуации относительно строгого запрета на употребление в пищу мяса информант замечал: «если бы, когда я *Трезвость* принимал, мне сказали, что мясо нельзя есть — я бы убежал сразу, так мясо любил»⁵⁷. Со временем он смог отказаться от этой привычки, но в начале своего духовного пути он не был готов к такому решению. Похожие истории о старых трезвенниках периодически рассказываются в сообществе. Мои собеседники говорили о постепенном осмыслении сути запрета, которое привело людей к отказу от мяса спустя некоторое время после обращения. Здесь, так же как и в предыдущем случае, проявляется идея мягкого и постепенного отказа от былых привычек, осмысляемого как управляемый Братцем путь духовного совершенствования трезвенника. Как рассуждал один из моих информантов, начинающего трезвенника можно сравнить с ребенком, которого сначала Братец носит на руках, а потом он должен научиться ходить сам⁵⁸. Нужно сначала встать на ноги в Трезвости, чтобы быть готовым не только к соблюдению обетов, но и к следованию рекомендациям.

Некоторые из наиболее опытных моих информантов, пребывающие в Трезвости более двух десятилетий, считают, что чрезмерное рвение и радикальность в отказе от мирских благ — это черта новичков, и разумной практикой в сообществе считается просить Братца о ниспослании разума и «ревности по вере»⁵⁹, позволяющих человеку принимать решения более осмысленно, действовать исходя из собственной готовности и сложившихся обстоятельств и искоренять недостатки постепенно.

56. ПМА 2020.

57. Там же.

58. ПМА 2023.

59. ПМА 2021.

При этом трезвенники, считающие алкоголь безусловным злом, не стремятся к введению сухого закона, и это можно было бы считать парадоксом, если не видеть в этом решении преломления той же идеи осознанного отказа от греха в контексте их рассуждений о благе для окружающего мира. Так, авторы статьи «Реформируя себя и другого: трезвеннические движения и дuality современной субъектности»⁶⁰ показывают, как исторически трезвеннические движения, несмотря на стремление к проявлению личной свободы и силы воли в вопросе потребления алкоголя, добивались также и официальных ограничений на продажу алкогольных напитков. Трезвенникам же в этом контексте ближе именно личный выбор и осознанность в стремлении отказаться от употребления алкоголя: с их точки зрения, государственный запрет — неудачное решение. Информанты рассуждают, что государственные ограничения теоретически можно обойти: «если закрыть все магазины, появится змея-медянка, то есть дома будут гнать самогон»⁶¹, и действительно решить проблему можно только если «закрыть сердца людей к этому проклятому напитку»⁶², если решение прекратить употреблять алкоголь будет принято людьми самостоятельно, а не навязано сверху. Один из информантов, рассуждая на эту тему, заметил, что резкие государственные меры в отношении потребления алкоголя могут лишь вызвать общественное недовольство, и эффект будет обратным. Он предлагает свой вариант — активную пропаганду трезвого образа жизни через СМИ:

Нужно разумно действовать. Я бы через телевидение, интернет работал над населением — фильмы, ролики, мультики про вред алкоголя и пользу трезвой жизни с примерами⁶³.

Тем не менее, трезвенники считают, что нужно отличать бесполезные, но в целом и не губительные привычки от того, что действительно угрожает душе верующего: есть опасность «сродниться с грехом» до такой степени, что сам человек не будет воспри-

60. Sulkunen, P., Warpenius, K. (2000) "Reforming the self and the other: The temperance movement and the duality of modern subjectivity", *Critical Public Health* 10(4): 423–438.

61. ПМА 2023.

62. Там же.

63. Там же.

нимать свои действия как нечто греховное. В предостережение друг другу они пересказывают вошедшую в «Богу все открыто» историю некоего трезвенника, который, лежа в болезни, посылал к Братцу свою жену с просьбами о помощи. Братец отвечал на эти просьбы фразой «Как покается, так исцелится и поправится»⁶⁴, но трезвенник не видел в себе нераскаянного греха и так и скончался. Как оказалось, он согрешил любодеянием, но «был сроднившись с ним и не замечал, и не считал его за грех»⁶⁵. Эта история иллюстрирует часть процесса, через который проходят последователи Братца: научиться распознавать в себе грех, сформулировать новые для себя границы между добром и злом, незначительным и важным, и ошибка в этом процессе может стать фатальной — как в приведенной выше истории-притче. Например, вполне приемлемое для человека раньше «культурное пьянство», допускающее выпить бокал шампанского на праздник, становится абсолютно недопустимым после обращения.

Переопределение и обсуждение границ дозволенного становится важным аспектом жизни трезвенников. Так, будучи в гостях на празднике у информантов, я стала свидетельницей показательного эпизода: когда хозяйка поставила на стол конфеты и сладкие пироги, собравшиеся принялись обсуждать, допустимо ли для трезвенника есть сладкое. Финальным аргументом в споре стало замечание о том, что у самого Братца на столе во время вечернего чая часто были конфеты — значит, сладкое трезвенникам не возбраняется, и после этого мои информанты со спокойной совестью принялись за пироги.

Застольная дискуссия напомнила мне о знаменитой работе Джозла Роббинса о культурных последствиях религиозного обращения в новогвинейском племени урапмин. Эмоции и желания, являющиеся частью культуры и социальной структуры как таковой, начинают осмысляться как негативные и, соответственно, сами люди начинают видеть в себе грешников⁶⁶. Новообратившийся трезвенник также оказывается вынужден переосмыслить свою прошлую и настоящую жизнь, воспринимая свои прежние действия как греховные, а былые привычки — как нежела-

64. Богу все открыто: свидетельства трезвенников о деяниях Братца Иоанна [http://www.trezvost.com/Witnesses.htm, доступ от 15.01.2023].

65. Там же.

66. Robbins, J. (1998) "Becoming Sinners: Christianity and Desire among the Urapmin of Papua New Guinea", *Ethnology* 37(4): 299–316.

тельные и даже постыдные. Впрочем, в отличие от «заново рожденных» урапмин, мои информанты не беспокоятся о том, что из-за их греховной жизни до *Трезвости* путь ко спасению им закрыт: хотя многие из них вспоминают свою прежнюю жизнь с содроганием, они уверены, что написание записки стирает их былые грехи.

Пребывание «в нарушении» как институциональное допущение

Трезвенники различают отдельные ошибки, грехи, за которые они могут быть наказаны, и более опасную ситуацию — отпадение, называемое чаще пребыванием «в нарушении». Как мне объясняли, разница заключается в том, были ли нарушены «обеты *Трезвости*»⁶⁷: пункты из «записочки» как «союза с Богом». Человек, который преступает одно или несколько из этих условий договора, оказывается «в нарушении».

Еженедельно во время бесед 5–6 человек вызываются к кафедре для того, чтобы поделиться с присутствующими своими историями обращения («свидетельствами»), где красочно описывается, как изменилась их жизнь с момента принятия *Трезвости*. Такие нарративы характерны не только для изучаемого мною сообщества, но и, например, для многих евангеликов⁶⁸. Большинство рассказчиков, вне зависимости от времени их пребывания в сообществе, заканчивают рассказ просьбами о молитвах, чтобы «устоять» в *Трезвости*. В сообществе часто вспоминается фраза Чурикова: «Кому насколько Бог дает *Трезвости*. Кому на всю жизнь, а кому временно»⁶⁹, и мои информанты стремятся сохранить *Трезвость*.

Нарушение — это ситуация неопределенности, время испытаний, которые, как верят мои информанты, человек навлек на себя сам своими грехами. В тех рисках отпадения, которые описывают чуриковцы, есть два уровня: обратимые и необратимые. Потеря работы, например — ситуация неприятная, но не безнадёжная, многие болезни, как верят мои информанты, излечиваются

67. ПМА 2020.

68. См. например: Поплавский Р., Ключева В. «Как только я переродился...»: конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10).

69. Богу все открыто: свидетельства трезвенников о деяниях Братца Иоанна [<http://www.trezvost.com/Witnesses.htm>, доступ от 15.01.2023].

при возвращении, но возможен и иной исход. В назидание приводятся истории о том, как Братец наказал болезнью того или иного трезвенника: например, в сообществе бытует история трезвенницы, нарушившей несколько раз и ослепшей после третьего нарушения.

Наиболее же серьезный риск трезвенники видят в том, что Братец может не принять их обратно, и заранее неизвестно, у кого будет возможность вернуться, а у кого нет — как у одного из трезвенников, чья история описана в «Богу все открыто»: «в свое время не оценил *Трезвость*, а потом нарушил ее и как ни молился, как ни старался быть трезвенником, Господь не удостоил. Так и скончался пьяницей»⁷⁰. Есть и более близкие современным трезвенникам истории: в их периодически обновляемом поминальном списке, распространяемом по внутренним каналам сообщества, у некоторых имен встречаются краткие пометки «нарушил», «ушел в нарушение», «убит после нарушения им *Трезвости*». Это — иллюстрация худшего исхода подобных ситуаций, когда человек умирает без покаяния после отпадения, но даже в таком случае он остается в памяти сообщества. Поэтому мои информанты переживают и молятся о нарушивших: «... мы пишем записочку. Мы пишем и надеемся, что Бог простит, молимся за братьев наших, кто отступил, и Господь может помиловать и простить, а может не простить»⁷¹.

Тем не менее, ситуация отпадения не воспринимается в сообществе как предательство — в ней видят, скорее, опасную ошибку, от которой никто не застрахован, как бы продолжителен ни был «стаж» человека в сообществе. О таких людях беспокоятся, но их не осуждают, им стараются помочь как молитвенно, так и в бытовых вопросах. В общине не предусмотрено дисциплинарных практик для отпавших, в целом, свободен как вход в сообщество, так и выход из него, и считается, что не в компетенции трезвенников накладывать на отпавшего какие-либо дополнительные санкции или ограничения — здесь вновь ключевым оказывается аспект личных отношений между отдельным трезвенником и Братцем. При этом существует механизм возвращения и реинтеграции для покаявшихся отпавших собратьев: после краткого поста и молитвы повторно пишется записка. Трезвенники с пониманием относятся к таким историям временной человеческой

70. Там же.

71. Там же.

слабости и считают, что главное в подобной ситуации — покаяться и вернуться, и часто именно так и происходит: после ряда испытаний человек возвращается в сообщество — «накувыркаются, навалиются — и вернутся»⁷². Братский совет призывает отпавших не бояться покаяться:

стыдиться приехать сюда и написать хоть в одиннадцатый раз записку — не надо, никто тебя не осудит⁷³.

Нарушение может произойти по разным причинам. Моя информантка Ю., молодая мама двух дочек, оказалась «в нарушении» случайно, еще не привыкнув к новому образу жизни:

Я нарушила Трезвость сквернословием. Был месяц в Трезвости или два месяца, на работе я сказала плохое слово, мат...⁷⁴.

Трезвенники воспринимают эту ситуацию не только как угрозу духовной жизни: вслед за духовным идет и материальное, и потому, если *Трезвость* для моих информантов связана с идеей счастья, здоровья, семейного и финансового благополучия, то ситуация нарушения означает потерю этих благ. Так, Ю. описывала, какое наказание последовало за тем, как она «сматерилась»: «...лишилась всего — работы, жилья, то есть всего, что у меня было, всех благ»⁷⁵. Она указывала, что на тот момент из-за непродолжительности ее опыта в *Трезвости* ей не был известен механизм возвращения, но нужный набор действий открылся свыше:

Господь открыл, что посты нужно брать и после этих постов Господь открыл написать записочку еще раз, то есть мне никто об этом не говорил, что нужно писать записку заново. Это мне открыл Бог внутри себя, в разуме, почему так — не знаю, и потом уже на беседах я услышала...⁷⁶.

72. Там же.

73. Там же.

74. Там же.

75. Там же.

76. Там же.

Для нее эта история закончилась хорошо (как и существенная часть таких историй), после покаяния «Господь ... помиловал, послал супруга, дочь, жилье...»⁷⁷, но она предупреждает других:

И вот мой опыт такой, я всем говорю, что, если даже вот засквернословили, Господь строго может наказать⁷⁸.

Другая информантка, Я., сообщала, что через некоторое время в *Трезвости* они с сестрой обе «нарушили» — и хотя это нарушение в отличие от описанной выше истории Ю. не было случайным и оказалось более системным и длительным, они изначально знали, что хотят вернуться в сообщество, но в то же время хотели отсрочить этот момент.

Эта история хорошо коррелирует с описанной Майей Мэйблин «отсрочкой благочестия»⁷⁹, которая может подразумевать делегирование благочестия духовенству, «которое сделает это лучше от вашего имени»⁸⁰, или же «временную отсрочку»⁸¹, предполагающую стремление отложить момент активного личного вовлечения в религиозные практики, но в обоих вариантах «этос смягчения наказания через отсрочку остается ключевым»⁸².

Информантка Я. признавалась:

Как внутри это было — я когда собиралась что-то плохое сделать — ну вот те же самые на гульки пойти — вот вижу лицо Отца [А.И. Синникова, покойного председателя братского совета. — прим. М.М.] перед собой, и я такая — «ой, Отец, подожди, приду попозже!», и со смехом добавляла: «обычно это Отец решает, а это мы решали... И сколько чудес и в нарушении показывал...»⁸³

Как комментировал ситуацию муж этой информантки,

77. Там же.

78. Там же.

79. Mayblin, M. (2017) "The lapsed and the laity: Discipline and lenience in the study of religion", *Journal of the Royal Anthropological Institute* 23(3): 509.

80. Ibid.

81. Ibid.

82. Ibid.

83. ПМА 2020.

Они обе хитрули такие, они обе, когда нарушили, обе понимали, что они вернутся — потому что я все года с ними общался — они обе говорили — «не сейчас, чуть попозже», «не сейчас, чуть попозже»⁸⁴.

Через некоторое время у Я. возникли проблемы со здоровьем, и, в целом, она устала от образа жизни, который тогда вела, и потому решила, что наступило время покаяться и вернуться:

В одно прекрасное утро у меня настолько душа настрадалась, я вот с утра встала — «Господи, как я устала от этого от всего». И написала записку и все. Сколько уже, лет 7–8 прошло...⁸⁵

В вопросе возвращения после отпадения для моих информантов важно искреннее покаяние и смирение в ожидании, будет ли это покаяние принято. Несмотря на опасности и испытания, которые влечет за собой отпадение, для части трезвенников период пребывания «в нарушении» становится хоть и тяжелым, но полезным опытом, позволяющим им по-новому взглянуть на *Трезвость* и осмысленнее продолжить свой духовный путь. Мне рассказывали притчу о некоем трезвеннике, который после нарушения пришел с покаянием к Братцу, и тот пообещал ему — «до нарушения жил хорошо, а после нарушения будешь жить лучше».

Информантка, нарушившая *Трезвость* случайным сквернословием, вспоминая эту притчу, добавляла:

Вот и я тоже до нарушения жила хорошо, но я не понимала, мне это нарушение нужно было, чтобы понять всю глубину...⁸⁶

Несмотря на то, что существует множество историй о счастливом возвращении отпавших трезвенников в Дом Братца, в сообществе бытует идея опасности и вероятной необратимости таких событий, в чем можно усмотреть определенный социальный регулятор — лучше не проверять, помилует ли Братец конкретного трезвенника после нарушения. Функционально истории отпадения стимулируют соблюдение обетов и поддерживают численность сообщества.

84. Там же.

85. Там же.

86. Там же.

Есть и более драматичный и категоричный вариант: по мнению моих информантов, худшее, что может сделать отпавший человек — это посмеяться над Братцем или его учением. В таком случае прощение и возвращение оказываются невозможными. Несколько подобных историй приведено в «Богу все открыто», но мне доводилось слышать и современные примеры. Чаще всего вспоминается случай сестры одного из членов общины. В начале этой истории нет ничего необычного: девушка вслед за родными приняла *Трезвость*, исцелилась, но не устояла и, оказавшись «в нарушении», сделала гораздо худшую вещь — «самое страшное, что она сделала — это посмеялась над святой *Трезвостью*», и тогда ее прежняя болезнь усугубилась, а девушка умерла на операционном столе. В этой тяжелой истории мои информанты видят суровую закономерность неизбежного наказания за святотатство⁸⁷. Они верят, что Братец готов простить раскаявшегося грешника, отпавшего трезвенника, но не простит поругания *Трезвости*.

Комментируя эту историю в личном разговоре, информант И. заметил:

Это не то, что там мы так хотим, чтобы наказывал. По Писанию что говорится — хула на Духа Святого не простится...⁸⁸.

Беда этой девушки заключалась в том, что, исцелившись однажды, она не только не была благодарна Братцу, но и смеялась над его учением, за что, как верят мои информанты, и была так жестоко наказана.

Заключение

В этой статье я кратко обозначила, как начинается духовный путь трезвенника и как в духовном совершенствовании сочетаются механизмы категорического неприятия греха и снисхождения к человеческой слабости. Духовная жизнь трезвенников с их готовностью к серьезным ограничениям выстраивается в переговорном процессе, в диалоге с Братцем, который, как

87. См., например: *Штырков С.А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. С. 54.

88. Там же.

они верят, требует от них немногого в обмен на те блага, которые посылает. Эти ограничения можно разделить на два уровня — теоретически нерушимый уровень обетов, принимаемых при обращении, и уровень рекомендаций по отказу от бесполезных, но и не критичных мирских привычек. В существовании уровня рекомендаций и тех способах, которыми трезвенники продолжают жить в окружении людей, не разделяющих их взглядов, при этом не уходя от мирской жизни полностью, можно усмотреть механизмы компромисса, позволяющие трезвенникам самостоятельно и осмысленно принимать решения по мере духовного взросления и в поисках баланса между верой и «ревностью».

Нарушение же обетов среди моих информантов считается отступлением от *Трезвости* и может вести как к потере полученных благ, так и к более серьезному наказанию, вплоть до перспективы быть отвергнутыми Братцем. Тем не менее, даже такие ситуации, хотя они и представляются в нарративах сообщества как крайне опасные для трезвенника, как правило, не становятся необратимыми, а отпавшие не подвергаются осуждению. В сообществе существует специальный механизм возвращения для отпавших трезвенников, и, хотя среди информантов бытует мнение об опасности отпадения и о том, что такового следует избегать, подобные ситуации для общины — не редкость. В этом также проявляется механизм допущения: теоретически неприемлемая ситуация оказывается достаточно распространенной практикой, и даже те члены сообщества, кто находится в *Трезвости* несколько десятилетий, не могут быть уверены, что подобное испытание не коснется их. В то же время истории отпавших оказываются назидательными нарративами внутри общины, регулятором, заставляющим остальных задуматься о том, сколько они могут потерять в результате нарушения, и предотвращающим отпадение.

Рассмотренная в статье проблема оказывается также значимой в более широком контексте существования сообщества после утраты харизматического лидера. Механизмы дисциплины и компромисса как способ саморегуляции религиозной общины, воспроизводства моральных личностей и норм, выступают важным аспектом в практиках трансляции трезвеннической традиции — одновременно стойкой и гибкой, но, безусловно, обеспечивающей устойчивость движения во времени.

Библиография/References

Полевые материалы

Полевые материалы автора, 2019–2023.

Литература

Богу все открыто: свидетельства трезвенников о деяниях Братца Иоанна [<http://www.trezvost.com/Witnesses.htm>, доступ от 15.01.2023].

Кормина Ж. «Гигиена сердца»: дисциплина и вера «заново рожденных» харизматических христиан // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 300–320.

Кузинер И. Особенности моделей взаимодействия старообрядцев бегунского (страннического) толка и советских органов власти в 20-е гг. XX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 1 (14). С. 100–107.

Поплавский Р., Ключева В. «Как только я переродился...»: конверсия и рассказы о ней в пятидесятнической традиции: структура и функции // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 35–41.

Сайт общества трезвенников [святаятрезвость.рф/как-отрезвиться.html], доступ от 10.02.2023].

Штырков С. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах северо-восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012.

Literature

Bielo, J. (2007) “‘The Mind of Christ’: Financial Success, Born-again Personhood, and the Anthropology of Christianity”, *Ethnos* 72(3): 316–338.

Clarke, M. (2015) “Legalism and the care of the self: shari’ah discourse in contemporary Lebanon”, in Paul Dresch and Judith Scheele (eds.) *Legalism: Rules and Categories*, pp. 231–257. Oxford: Oxford University Press.

Clarke, M. (2023) “Sharia”, *The Open Encyclopedia of Anthropology* [<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/sharia>, доступ от 18.11.2023].

Herrlinger, P. (2013) “Trials of the Unorthodox Orthodox: The Followers of Brother Ioann Churikov and their Critics in Modern Russia, 1894–1914”, *Russian History* 40(2): 244–263.

Herrlinger, P. (2020) “‘Satan in the Form of an Angel’? the Russian Orthodox Church’s Controversial Case Against the Moscow Brattsy, 1909 to 1913”, *Religion, State & Society* 48(2–3): 196–212.

Laidlaw, J. (2023). “Ethics / morality”, *The Open Encyclopedia of Anthropology* [<https://www.anthroencyclopedia.com/entry/ethics-morality>, доступ от 18.11.2023].

Mahmood, S. (2011) *Politics of Piety: The Islamic Revival and the Feminist Subject*. Princeton: Princeton University Press.

Mayblin, M. (2017) “The lapsed and the laity: Discipline and lenience in the study of religion”, *Journal of the Royal Anthropological Institute* 23(3): 503–522.

Robbins, J. (1998) “Becoming Sinners: Christianity and Desire among the Urapmin of Papua New Guinea”, *Ethnology* 37(4): 299–316.

Sulkunen, P., Warpenius, K. (2000) “Reforming the self and the other: The temperance movement and the duality of modern subjectivity”, *Critical Public Health* 10(4): 423–438.